

Бабником деда Егора прозвали года через два после смерти Нины. Жену привёз с Урала. Вторую присматривал среди женщин, приезжавших к родным. Быстро Егор понял, что хлопотливой и умелой Нине замены не будет. Но так за свои поиски и остался для земляков бабником. Узнает, к кому летом гостя приезжает возрастом за полста, туда и он. Почудил два-три раза в ягодный сезон, есть о чём до следующего лета Егору вспомнить, а соседкам – судачить. Случилось так, что последней «встречницей» деда стала я.

Бабник явился к нам к ужину. Мягко, словно кот, прошёл в кухню:

– Здравствуйте, без стуков я и без бряков.

Отец пригласил гостя к столу. Тот быстро охватил взглядом-молнией всё и всех, омыл под краном руки, промокнул их узорно расшитым носовым платком. Обхватил табурет ногами в чёрных носках-самовязках, вздёрнул вверх ласточки-брови, побелевшие от прожитых лет, и сказал:

– Бабуля Нинуля тоже баловала меня варениками с вишняком. Да уж. Догадались уже, зачем пришёл? Свозил бы гостью на личные поляны, если назавтра доверишь, отец, дочку мне.

Я была обречена с согласия родного отца. Часов в девять утра к нашим воротам подъехала серая лошадка с ладной телегой. Путь гостя к столу был прежним. Егор ворковал и попутно ел. Может, наоборот:

– Вкусные блины. Бабуля Нинуля тоже иные творила. Но пора нам: роса сошла – день нашла.

Мы уселись на высокую телегу. Дед Егор скомандовал лошадке Карьке:

– Маршрутное такси, нас подвези.

Казалось, Карька запомнила дедовы пути-дороги, поэтому брела без понуканий. Проехали село, затем Егоров хутор из пяти домов. Дедок не умолкал... Бабник, похоже, ещё тот!.. За десять лет вдовства на «его» полянах побывали две лениvistовые дамы городские, которые не способны деревенский дом да огород вести. Иные испытаний не прошли. Да уж.

После дедова свиста лошадка остановилась и покорно уткнулась головой в траву. Клубники было, что на Егоровой рубашке горошин. Удивительно: время ягод, село недалеко, хутор рядом, но ни одной души на поляне. Оказывается, сначала дед Егор с гостями здесь открывает сезон, потом заход и заезд всем разрешает. Если ягодка поспела, а приезжих гостей нет, дедок отравляет сначала бабулек-соседок. И не дай Бог кому нарушить традицию.

Я держала корзину, которую смастерил Егор. В ней были две неравные части. Дедок объяснил:

– В левую изгородку будешь ягоды складывать, в правую грибы откладывать.

Через десять минут уже знала, что Егор – мастер на все руки, а значит, жених и хозяин тоже ещё тот пропадает. Кто, если не он, пимы бабулькам-хуторянкам подошьёт, сапоги

резиновые заклеит, овечку в мясо превратит. Соседки тоже платят ему добром. Полы помоют, хату побелят, окна на лето выставят, огурцы и помидоры солят, грядки полют. К чудачествам соседа они привыкли и сами ему докладывают, к кому приехали гости «переходного» возраста. За новостями ходят бабульки в магазин. Там и про меня узнали.

Первую горсть белгородской клубники я съела, потом вторую, затем и третью – душистая, мягкая, спелая. Пора и в корзину складывать. Ягода крупнее сибирской. Но тут дед Егор просит, чтобы подошла к нему. Подхожу – он ягодку протягивает. Клубника как клубника. Да нет, разъясняет, один бочок алый, что флаг на сельсовете, другой розовый, как герань на окне из первого хуторского дома Елизаветы. Попутно узнаю, что не было счастья у соседки. Зашёл после фронта к ней один бедолага, а через год уже и вышел. Не прижил деток, отсюда нет и внуков у Елизаветы. Сердцем к ней Егор тепло, телом далеко. Подруга это Нинули, разве можно? Не бабник Егор. Художник. Любая ягодка для него – женщина. Сказывал, что картины писал:

– Одна щёчка алая, вторая тоже, а посередине крапинки. Как у Марии родинки на носу.

Хороша и добра соседка, но на два десятка старше Егора. Какая, мол, в старости ему опора. Следующая картина: гордичка-учительница. Тракториста Мишку – по шее, шофёра Ивана – по загривку, ветеринара Петра – под зад своей круглой коленочкой. Через пять лет подвянет-подсохнет, как эта клубничка-девочка. Безрассудная учительница!

Дедок в молодости любил громких и видных, как Зыкина. Женился – не смотрел на других женщин. Овдовел, вскоре остарел. Теперь на поляны возит тех, кто на перекате лет.

Не только приходилось слушать, ещё и отвечать, умею ли солить-мариновать, что люблю варить, руками стираю или как, на что в первую очередь деньги трачу. Вдруг ойкнул. Спросила, что приключилось, а Егор загадкой в ответ:

– Во рту горе моё пищит, в ухе трещит. В глаз летит, во рту сидит – не жуёшь, но плюёшь. Верно, мошка. Ну-ка, помоги немножко.

Завернула Егору веко, вожу дедовым платочком с узорчатым кружевом, не вижу мошку-разгадку. Усмехнулся:

– Испытывал, жалостливая ли, ловкая ли. Ленинградка солиднее тебя годами, но ноль внимания на мою сорину.

И вновь поплыли образы-картины одна лучше другой. Увидел клубничку с ножкой балерины Плисецкой. Потом была прошлогодняя москвичка в красной юбке и зелёной панамке с синими ногтями на руках и ногах. Опять ойкнул дедок и волчком закружился: спину свело. Мол, если знаешь, как эту холеру вылечивают, помоги. Пришлось найти крапиву. Распластался бабник на траве, закрыв горошковой рубахой макушку, оседённую ровным овалом. Я положила на Егорову спину свою косынку, хлестнула колючей веткой, убрала косынку и коснулась поясницы трижды жгучими листьями. Опёрся мой больной на руки, привстал на ноги, озорно бросив рифмы-слова:

– Крапива-лекарство на диво! Скок-подскок, пятка-носок, ножкой бросок под потолок. Молодец, не побрезговала старой спиной, как липецкая. Хуторские бабульки жигуют крапивой, только сноровят одежонку мою нижнее нижнего сдвинуть. Неэффективный я, дедок, плохой от меня ток. Да уж.

В тополёвых посадках нашли грибы, в которых Егор представлял мужиков: не шляпа у сыроежа, а ипподром, муравьи, что лошади скачут на состязаньях. И здесь я узнала знакомых Егора. Сначала был бритоголовый из новых русских. Потом

сердитый мухомор-бригадир, который записывал в документах меньше, чем делал на ферме скотник Егор.

Вышли из посадок. Вдруг дедок присвистнул. Ласточки-брови его взлетели вверх: на поляне была ягодница. Удивил женщину вопрос о том, почему она на этой поляне. Отчего, мол, нельзя здесь ягоду собирать? Мужа Колю позвала, чтоб деда вразумил. Тот крутился у машины и не послушал жену. Вдруг дедок усмехнулся:

– Собирай, мадам. Если что, не будь в обиде. Экспериментальное поле. Змейство исследуется здесь. Я сторож и повар. Змеючки на вашей, мадам, стороне, змеи-мужики – на моей. Как раз поить их пора. Наука – дело точное.

Лицо ягодницы побледнело. Егор вытащил из корзинки фляжку и капнул квасом на траву, присвистнул и отдал приказ:

– Змей Кощей, ползи стороной от мадамы той. Ты же голодный, вдруг укусишь. Отходи чуток, мадам, на один шагок.

Дрожь прошла по лицу ягодницы. Дедок вошёл в роль:

– Ты куда торопишься, змеючка-гадючка? Сейчас напою.

Ягодница, издав скрежещущий звук, вмиг очутилась рядом со своим Коленькой. Лишь облачко дыма осталось после них да забытое ведро. Вот что, оказывается, может приключиться с непрошеными гостями на Егоровых полянах.

Но всё же дедок переживал за внезапное вторжение. Не говорил пять, десять минут. Я даже соскучилась по чудачествам. Смотрю – сел Егор на траву, голову опустил. Ошиблась, думала, опять чудинка, оказалось, грустинка. Сколько годов Егор свою Нину только во сне видел. Впервые жена молодой ему явилась.

На меня печально смотрела длинненькая, увядающая ягодка. К клубничке приникла другая, чуть пониже. Рядом россыпь ягодок. Егор рассуждал тихо и скорбно:

– Я всегда был ниже Нины и величием, и годами, детков тоже любил, теперь по ним тоскую, хотя среди троих двое от боевого друга. Погиб Пётр, я поклялся вдову с пацанятами взять. Хозяин же, поди, своим речам. С Урала привёз Нину на Белгородчину. Видишь, как много ягод на поляне. Так тут и наши мальчишки, и друзья ребятащечьи. Нина, гляди, какая тоненькая. Болела, похудела в конце своих концов. Не видел я раньше мужского пола в клубниках, переворот произошёл. Ясно, знак даёт жена.

Не знаю, любила ли Нина, просто считалась ли с Егором. Но точно: замену такой жене трудно сыскать. Рубах накопила про запас. Как, мол, если чувствовала, что вдруг Егор овдовеет, не женится... До обновок ли ему тогда будет? Фуражек нашила, чтоб солнце не пекло ему голову, носки навязала и начинила табаком, чтоб моли не мололи. И уснула, не дождавшись ночи.

Печальный был наш обратный маршрут. Затосковала и Карька. Лошадка не поднимала головы и везла нас на дедов хутор. Карька остановилась у небольшого, в три окна, дома. Оказывается, стёкла в них отмывала соседка Елизавета. Лоскутной коврик у двери – Марии работа. Свежевыбеленная печка – Надеждин труд. Печенье на столе – Зоина забота. На стене фотография: у Нины продолговатое лицо. На ладонь пониже – Егор. Тут же ребятня.

Четыре бабульки явились вскоре. Дедовы соседки были в пёстрых фартуках: ежегодно Восьмого марта приносит Егор каждой бабуле кусок ткани, а Мария шьёт. На головах соседок платки, тоже обязательный его подарок на день рождения.

Елизавета поставила на стол оладьи с мёдом. Надежда – крошку на сыворотке. Зоя – пироги с луком и яйцами. Мария – самостряпанный круглый каравай с тмином. Сидят, смотрят на Егора. И сказал тут хозяин хутора:

– Как всегда сегодня будет. За гостью выпьем и за всех нас. И в последний раз так. Сибирячка последняя бабонька у меня. Видение было, Нина знак дала. Теперь никаких бабов, кроме вас, соседушки. Экзамен-испытание сибирячка хорошо сдала. За что ей подарок прилагается. Да уж.

Встала Елизавета, подошла к закутку, достала оттуда баночку с мёдом, мне отдала дедов подарок.

Прошёл год, и я опять приехала на Белгородчину. Ходила в гости к бабулькам. Скучно стало, жалуются. Карьку дед отдал сыну. На полянах ягоду всю подряд вырывают, бабулькам не оставляют. А дедок, оказывается, клубнику и не любит.

Бабником всё равно зовут Егора. Он, случается, рассказывает о своих «встречницах». Увидел меня. Улыбается:

– Последняя моя встречница приехала.

Как пью чай с мёдом, так вспоминаю Бабника. И, конечно, его сладкий подарок...